

ПРАВДА ВОСТОКА

ОРГАН ЦК КОМПАРТИИ УЗБЕКИСТАНА, ВЕРХОВОГО СОВЕТА И СОВЕТА МИНИСТРОВ УЗБЕКСКОЙ ССР
№ 263 (19738) Суббота, 14 ноября 1981 года Цена 2 коп.

БОЛЬШЕ ХЛОПКА РОДИНЕ!

СВОДКА
о ходе заготовок хлопка в республике на 13 ноября

ТАШКЕНТСКАЯ	0,08	115,31	—	122,77
БУХАРСКАЯ	0,59	114,43	0,71	115,78
ДЖИЗАКСКАЯ	0,25	108,91	0,03	112,00
СЫРДАРЬИНСКАЯ	0,25	104,92	0,11	104,43
КАШКАДАРЬИНСКАЯ	0,57	104,58	0,53	101,91
ХОРЕЗМСКАЯ	0,40	102,48	0,23	108,96
Наманганская	0,80	99,29	0,97	93,98
Ферганская	0,97	97,16	0,86	99,33
Сурхандарьинская	0,74	95,89	0,96	87,72
Самаркандская	1,00	93,00	1,35	85,61
Каракалпакская АССР	0,83	92,19	0,76	84,26
Анджиданская	1,07	90,12	0,92	86,13
По Узбекистану	0,65	99,92	0,64	98,82

В том числе тонковолокнистого:

БУХАРСКАЯ	1,09	120,55	0,10	74,73
НАМАНГАНСКАЯ	1,34	120,54	3,35	145,60
Сурхандарьинская	0,88	97,25	0,58	88,66
Кашкадарьинская	1,20	89,16	1,12	58,14
По Узбекистану	1,00	97,16	0,76	77,44

60-ЛЕТИЮ СССР УДАРНЫХ НЕДЕЛЬ

УДАРНАЯ ВАХТА В ЧЕСТЬ 60-ЛЕТИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СССР

НАМЕЧЕНЫ НОВЫЕ РУБЕЖИ

Первой в тресте «Бухараоблестрой» на ударную вахту в честь 60-летия СССР встала бригада каменщиков, руково- димая Героем Социалистического Труда Исмаилом Халимовым. Бригада пересмотрела свои обязательства и приняла новые, повысившие и знаменательной дате решено выпол- нить задание четырех лет пятилетки!

Успешному освоению новых каменщиков позволили организа- ция труда по злонормному методу, умелая концентрация сил на решающих участках работы, бережное отношение к ра- бочему времени. Такие мастера кирпичной кладки, как Ба- рид Очклов, Ачил Муратов, Хайрулла Шарипов, Исмаил Хама- дов, не только сами работают отлично, но и помогают моло- дым товарищам овладеть секретами профессионального ма- стерства. Многие каменщики овладели смежными профес- сиями бетонщиков, сварщиков.

Сейчас бригада Халимова возводит новые корпуса Бухар- ского карантинного завода. И каждый день она переносит сменные задания вдвое.

НА ПРОЕКТНУЮ МОЩНОСТЬ

За десять месяцев вместо нормативных восемнадцати ос- нована проектная мощность на первой очереди Палской фабрики текстильных материалов.

Текстильщики самого молодого предприятия Наманганской области с честью сдержали слово, данное в начале ударной предпринимательской вахты. В нынешнем году они уже выраба- тали 11,5 миллиона квадратных метров полотна, или на 2 миллиона метров больше запланированного. И теперь стре- мятся внести новый вклад в честь 60-летия образования СССР.

Успешному освоению мощностей помогла заблаговременная подготовка квалифицированных рабочих из числа сельской молодежи. Эта работа продолжается и сейчас: недавно состо- ялся первый выпуск на создание при фабрике учебно-курсо- вого комбината. Нисуров, Хайрулла Шарипов, Исмаил Хама- дов, близлежащих иншанов получили специальность помощников мастера.

На новом предприятии определились и лидеры соревнова- ния. До полутора сменных норм выполняет бригада Ю. Дья- ченко, П. Камкина, А. Железнова и В. Ливанова.

НАГРАДЫ РЫБАКАМ

СОЛДАТСКОЕ. (Соб. корр.). Радостная весть пришла из Мо- сквы — коллектив экспериментально-показательного произ- водственного объединения «Балычьи» по итогам Всесоюзного социалистического соревнования в области рыбной промы- шленности присудено переходящее Красное знамя Минис- терства рыбной промышленности СССР и ЦК отраслевого профсоюза.

В ответ на высокую награду балычники, встав на трудо- вую вахту в честь 60-летия СССР, дали слово реализовать до конца года 1,500 центнеров сверхплановой рыбы.

ЕСТЬ ГОДОВОЙ!

Коллектив строителей Госмонтажстроя республики досроч- но выполнил годовой план строительно-монтажных работ в объеме 274 миллиона рублей.

Труженики сельского хозяйства получили около 15 тысяч гектаров новых орошаемых земель, свыше 20 тысяч гектаров капитально спланированных и 16 тысяч гектаров мелко- угодных улучшенных угодий. Повышена водообеспеченность почти 34 тысяч гектаров. Кроме того, строители Госмонтаж- строя сдали в эксплуатацию 92 тысячи квадратных метров жилья, ряд школ и детсадов, животноводческих комплексов, рыбоводных прудов, других объектов.

В ходе социалистического соревнования особенно отличились коллективы трестов «Анджиданстрой», «Наманганвострой», управления строительства «Амубухараналстрой», а также 32 строительно-монтажных управлений и производных механизированных колонн.

— Освои до конца года сверх плана еще 50 миллионов рублей! — обязуются строители.

Тем самым будет создан надежный задел на второй год пятилетия — год 60-летия образования СССР.

ПРОПАГАНДИСТЫ

УЧИТЬ людей, говоря словами В. И. Ленина, «действовать так, как того действительно коммунизм требует, добиваясь, чтобы партийная политика сливалась с деятельностью масс, чтобы на деле крепло единство идеино-теоретической, политико-воспитательной работы партии, — такие главные задачи в области партийной учебы, в повышении ее резуль- тативности поставил XXVI съезд КПСС.

Политическому просвещению как одному из важнейших средств идеино-воспитания масс, и прежде всего коммуни- стов, партия уделяла и уделяет самое пристальное внима- ние. Сделано немало для его совершенствования. В резуль- тате практического осуществления решений XXV и XXVI съездов партии, постановлений ЦК КПСС, направленных на даль- нейшее улучшение идеологической работы, в партийную учебу вовлечены широкие массы коммунистов и беспартийных, улуч- шилось содержание, повысился теоретический уровень знаний. Одной из главных стала забота о том, чтобы знание революционной теории, политики партии превращалось у слу- шателей в убеждение, побуждало активную жизненную по- зицию.

Но, как отмечалось на XXVI съезде КПСС, в организации политического просвещения есть и существенные проблемы. Иногда теоретическая подготовка недостаточно связывается с решением актуальных общественных и производственных проблем, нередко превращается в формализм, школярство, что снижает заинтересованность слушателей. Съезд поставил зада- чу: не упустить чрезмерным расширением числа слушате- лей, решительно повернуть дело к улучшению качества уче- бы.

Решить эту задачу нельзя без более основательного подхо- да к подбору, подготовке и своевременному информированию пропагандистов, от теоретического и методического уровня которых всецело зависит успех политической и эконо- мической учебы, ее эффективность.

«Ведь пропагандист, — говорил на XXVI съезде партии то- варищ Л. И. Брежнев, — главная фигура в системе партийной учебы. Именно от него во многом зависит, какими будут сле- дующие поколения, какими будут те люди, которые будут строить нашу страну, где люди «отбываются» положежные часы, или же, наоборот, они повсеместно станут действительными центрами живой партийной мысли и слова. От идеологиче- ского, пропагандистского актива партии в первую очередь зависит отношение людей к партийной учебе».

Руководствуясь требованиями партии — умело подбирать, учить и воспитывать пропагандистов, окружать их повседневной заботой и вниманием, — многое в этом направлении сделали партийные организации нашей республики, особенно в период подготовки к нынешнему учебному году.

Пропагандистами, руководителями семинаров, консультанта- ми партийной учебы утверждены 24 тысячи человек из числа наиболее подготовленных и авторитетных коммунистов. Всего же во всех звеньях партийной и комсомольской учебы, эконо- мического образования в нынешнем учебном году будут вести занятия 90 тысяч пропагандистов. Почти все они имеют высшее и незаконченное высшее образование, в составе их немало партийных, профсоюзных, комсомольских руководи- телей. Большинство наших пропагандистов по праву можно на- звать золотым фондом партии, который надо беречь, заблоти- во растить и правильно использовать. В свою работу они вкладывают все свои знания, умение убеждать, всю силу души.

Глубокие знания и духовная культура, чувство высокой ответ- ственности за содержание и результаты воспитательной работы, творческий поиск новых форм и методов проведения занятий присутствуют, например, пропагандистами: учительница школы № 18 Джамбайского района М. Таджиевой, педагогом М. Ахмедову из колхоза «50 лет Октября» Берунинского, С. Джапарову из колхоза имени XI партсъезда Калининского районов, начальнику отдела Ферганского текстильного комбината М. Баталину, главному экономисту колхоза имени XX партсъезда Избасканского района Ю. Юлдашеву, начальнику цеха «Ташкентабелла» Ю. И. Ильичеву, директору Узбекского комбината тугоплавких и жаропрочных металлов П. Максудову и многим, многим другим.

Коммунистическая партия проявляет большую и постоянную заботу о пропагандистах. В соответствии с постановлением ЦК нашей партии «О дальнейшем совершенствовании партийной учебы в свете решений XXVI съезда КПСС» для награждения лучших из них учреждены Почетная Ленинская грамота и на- стоящая медаль. Ежегодно в канун учебного года решено тор- жественно проводить День пропагандиста.

В нашей республике День пропагандиста проводится сего- дня. Несомненно, что он станет смотром творческих сил пар- тийной пропаганды, смотра готовности к начинающемуся ново- му учебному году в системе марксистско-ленинского образова- ния.

В этот день в крупных партийных организациях, районах, го- родах, областях и Каракалпакской АССР пройдут слеты, совеща- ния, встречи пропагандистов с руководителями партийных, советских, хозяйственных органов, деятелями науки, литерату- ры и искусства, Героями Советского Союза и Героями Социалистического Труда, участниками Великой Отечественной войны, передовиками производства. На встречах будут демонс- трироваться фильмы о пламенной пропагандистской деятельно- сти создателя Коммунистической партии и Советского государ- ства В. И. Ленина и его соратников, Генерального секретаря ЦК КПСС, Председателя Президиума Верховного Совета СССР товарища Л. И. Брежнева, других руководителей партии.

Немало теплых и проникновенных слов будет сказано сего- дня в адрес славных бойцов идеологического фронта. И это понятно. Нелегко, но благороден труд пропагандиста: помогать партии воспитывать, закалять людей на немеряющих идеях марксизма-ленинизма, поднимать их творческую активность в решении задач коммунистического строительства.

Но, чтобы успешно решались эти задачи, пропагандистам нужна повседневная помощь и поддержка. Долг партийных коми- тетов — сделать все, чтобы мастерство их всегда и во всем отвечало возросшим задачам идеологической работы партии, побуждало к тому, чтобы каждому пропагандисту были созданы все условия для плодотворного труда.

В ходе подготовки к новому учебному году в нашей респу- блике почти все пропагандисты прошли дифференцированную учебу на двухнедельных курсах. Состоялись совещания и собра- ния идеологического актива, на которых обсуждены конкрет- ные задачи дальнейшего совершенствования партийного про- свещения.

Необходимо и в течение учебного года регулярно проводить занятия постоянно действующих семинаров при горкомах, райко- мах и парткомах. По опыту партийных организаций Ташкент- ской, Анджиданской, Ферганской областей нужно настоятельно учить пропагандистов широкому применению таких активных форм занятий, как проблемный метод обучения. Следует так- же регулярно информировать их о ходе текущих дел, важ- нейших решениях, перспективных задачах, стоящих перед тру- довыми коллективами и партийными организациями.

Прийдет несколько дней, и все пропагандисты придут к сво- им слушателям, чтобы начать новый учебный год первой же сменой: «В единстве с народом — сила партии. В единстве с партией, в ее руководстве — сила народа». Пожелаем им самых больших успехов на их благородном поприще.

ДОСКА ПОЧЕТА

За досрочное выполнение плана хлопкозаготовок на рес- публиканскую Доску почета заносится:

Наманганская область — секретарь обкома партии тов. Камалов, председатель обкомполкома тов. Абиджаев, начальники областного производственного управления сельского хозяйства тов. Мадму- сев, начальник областного объединения «Заготхлопко- пром» тов. Аманов, предсе- датель облсельхозтехники тов. Тимофеев, начальник областного управления ороси- тельных систем тов. Тургу- нов, секретарь обкома ком- сомолы тов. Дадажанов, председатель обкома проф- союза работников сельского хозяйства тов. Керабаев;

Янгйульский район — секретарь райкома партии тов. Сабиоров, председатель райисполкома тов. Ражабов, начальник производственного управления сельского хозяй- ства райисполкома тов. Га- мов, управляющий райсельхозтехники тов. Худайбер- гов, начальник районного управления оросительных систем тов. Джуманазов, сек- ретарь райкома комсомола тов. Джуманазов, предсе- датель райкома профсоюза работников сельского хозяй- ства тов. Алланазаров;

Ходжейлийский район — секретарь райкома партии тов. Халмуратов, предсе- датель райисполкома тов. Файзуллоев, начальник произ- водственного управления сельского хозяйства райис- полкома тов. Сои, управляю- щий райсельхозтехники тов. Ураимбитов, начальник районного управления ороси- тельных систем тов. Утепов, секретарь райкома комсомо- ла тов. Аважонов, предсе- датель райкома профсоюза работников сельского хозяй- ства тов. Косенов;

Задарьинский район — секретарь райкома партии тов. Камбаров, председатель райисполкома тов. Аширов, начальники производственного управления сельского хозяй- ства райисполкома тов. Му- радов, управляющий райсельхозтехники тов. Рахмо- нов, начальник районного управления оросительных систем тов. Турсунов, сек- ретарь райкома комсомола тов. Исакон, председатель райко- ма профсоюза работников сельского хозяйства тов. Ру- зиматов;

Сырдарьинский район — секретарь райкома партии тов. Каримов, председатель райисполкома тов. Ходжаев, начальник производственно- го управления сельского хозяйства райисполкома тов. Миркурбанов, управляющий райсельхозтехники тов. Ким, начальник районного управ- ления оросительных систем тов. Сулейманов, секретарь райкома комсомола тов. Умаров, председатель райкома профсоюза работников сельско- го хозяйства тов. Мейер- беков;

Шерабадский район — секретарь райкома партии тов. Эрзаев, председатель райисполкома тов. Абдулхали- ков, начальник производствен- ного управления сельско- го хозяйства райисполкома тов. Чориев, управляющий райсельхозтехники тов. Рах- матов, начальник районного управления оросительных систем тов. Кадиоров, сек- ретарь райкома комсомола тов. Маматкулов, председа- тель райкома профсоюза работ- ников сельского хозяйства тов. Джаббаров.

Десятки передовиков производства пред- приятий производственного объединения «Карширойндустрия» Главыредакторского треста досрочно выполнили свои социалисти- ческие обязательства. На снимке: победи- тели соцсоревнования завода ЖБИ № 1 стропильщик Бахрам Бузруков (слева) и Файзулла Нарзуллаев.

Фото В. БАСКАКОВА.

Перед сессией Верховного Совета Узбекской ССР

Развертывается подготовка к четвертой сессии Верховного Совета Узбекской ССР десятого созыва, на которой предстоит обсудить и принять государственные планы экономического и социального развития республики на 1981—1985 годы и на 1982 год. Государствен- ный бюджет Узбекской ССР на 1982 год. Рассмотрение

отдельных разделов планов и бюджета Президиум Верховного Совета поручил созданным подготовительным комиссиям. В своей деятельно- сти они руководствуются требованиями Основных на- правлений экономического и социального развития СССР на 1981—1985 годы и на период до 1990 года, поло- жениями Отчетного доклада

товарища Л. И. Брежнева на XXVI съезде КПСС.

Подготовительная комиссия по основным показате- лям плана экономического и социального развития рес- публики рассмотрела докла- ды руководителей ряда ми- нистерств и ведомств о ме- роприятиях по соблюдению

[Окончание на 4-й стр.]

РЕСПУБЛИКАНСКИЙ ПРЕСС-ЦЕНТР СООБЩАЕТ:

«шелкового» сырья. Высокие темпы заготовок обеспечи- вают труженники Анджиданской, Самаркандской, Ферган- ской областей.

ЗАВЕТНЫЙ ШЕСТИМИЛЛИОННЫЙ РУБЕЖ БЛИЗОК. ВСЕ СИЛЫ НА ЕГО ВЫСТРЕЙШЕЕ ДОСТИЖЕНИЕ!

Механизаторы Бозского района Анджиданской области выполнили план машинного сбора урожая. На государ- ственный хирман поступило 22,517 тонн бункерного сырья. В среднем наждой машиной собрано 120 тонн. По 210—280 тонн на счету у механизаторов Бахтияра Салиева, Мухаммадхона Тураева и Анарбая Махлюмова.

Самоотверженно трудятся на сборе хлопка многотысяч- ники колхоза «Узбекистан» Ахунбабаевского района Фер- ганской области. Сестры Чехра и Манзура Кундузовой, Му- каррам Маматбаева, Рано Сиддикова с начала сезона собрали по 8—12 тонн.

ТРУДОВАЯ ПОБЕДА ХЛОПКОРОВ НАМАНГАНСКОЙ ОБЛАСТИ

Труженики сельского хозяйства Наманганской обла- сти, претворяя в жизнь реше- ния XXVI съезда КПСС, пре- одолев все трудности теку- щего года, вынужденные неблагоприятными погодными условиями, вырастили богатый урожай хлопка, организован- но провели его уборку и до- срочно, 13 ноября, выполни- ли план хлопкозаготовок пер- вого года — одиннадцатой пятилетки. На заготовительные пункты доставлено более 455 тысяч тонн «белого золота», в том числе 6 тысяч тонн хлопка-сырца наиболее цен-

ных тонковолокнистых сортов. Машинами собрано 295 ты- сяч тонн, или 65 процентов заготовленного хлопка.

Достоинный вклад в выпол- нение плана внесли все рай- оны и хозяйства области. Наи- больших результатов добились хлопкоробы Касаньинского, Наманганского, Туракурган- ского, Мустого, Задарьин- ского районов, выполнившие планы хлопкозаготовок: на 101—108 процентов. В свет пункты доставлено более 455 тысяч тонн «белого золота», в том числе 6 тысяч тонн хлопка-сырца наиболее цен-

ных тонковолокнистых сортов. Машинами собрано 295 ты- сяч тонн, или 65 процентов заготовленного хлопка.

Достоинный вклад в выпол- нение плана внесли все рай- оны и хозяйства области. Наи- больших результатов добились хлопкоробы Касаньинского, Наманганского, Туракурган- ского, Мустого, Задарьин- ского районов, выполнившие планы хлопкозаготовок: на 101—108 процентов. В свет пункты доставлено более 455 тысяч тонн «белого золота», в том числе 6 тысяч тонн хлопка-сырца наиболее цен-

ПОД ЗНАМЕНОМ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ

Издан отдельной брошю- рой доклад члена Политбю- ро ЦК КПСС, министра обороны СССР Маршала Советского Союза Д. Ф. Устинова «Под знаменем Великого Октября». Он был сделан на торжественном за- седании, посвященном 64-й годовщине Великой Октябрьской социалисти- ческой революции, в Крем- левском Дворце съездов 6 ноября 1981 года. Брошю- ра выпущена Издательством политической литературы. (ТАСС.)

ГОСТИ ИЗ ФИНЛЯНДИИ

Гостиная в республике делегация партийных работ- ников социал-демократи- ческой партии Финляндии по главе с генеральным сек- ретарем СДПФ Эркин Лин- наменом 13 ноября была принята в ЦК Компартии Узбекистана. Секретарь ЦК Компартии Узбекистана И. Г. Анисимов ознакомил гостей с работой, проводи- мой партийной организацией республики по претворению в жизнь решений XXVI съезда КПСС. В беседе при- нял участие ответственный работник ЦК КПСС С. В. Смирнов.

Члены делегации посети- ли Ташкентский филиал Центрального музея В. И. Ленина. Выставку достиже- ний народного хозяйства Узбекской ССР, завод «Ташсельмаш», осмотрели достопримечательности сто- лицы республики и Самар- канда. В Узбекском респу- бликанском совете профсо- зов гости из Финляндии встретились с председа- телем Усовпрофа Н. М. Мах- мудовой. (УзТАГ.)

СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ

Вышел в свет сборник «В. И. Ленин, КПСС во Уста- ве партии». В него вошли статьи, речи и письма В. И. Ленина, свидетельствующие о его большом внимании к работе партийных органи- заций, документов и матери- алы съездов и конференций партии, пленумов ЦК, поста- новления ЦК КПСС об одном из основополагающих доку- ментов партии — ее Устава. Ряд документов публикуется впервые.

Издание адресовано широ- кому кругу партийного акти- виста. Сборник выпущен Политиз- датом. (ТАСС.)

ВИЗИТ ПРОДОЛЖАЕТСЯ

МАПУТУ, 13 ноября. (ТАСС). Делегация КПСС во главе с кандидатом в члены Политбюро ЦК КПСС, первым секретарем ЦК Компартии Узбекистана Ш. Р. Рашидовым совер- шила поездку в провинцию Газа, где она ознакомилась с агропромышленным ком- плексом в долине реки Лимпо- по и встретилась с мест- ными партийным активом.

Выступивший на этой встрече член правительства

и исполняющий обязанно- сти первого секретаря коми- тета партии ФРЕЛИМО провинции Газа и ее губер- натора Г. Зимба рассказал об опыте партийного стро- ительства. Он также отме- тил достижения мозамбик- ских тружеников в реализа- ции программ ускоренного развития долины реки Лимпо- по и Никомати, которые призваны стать житницей страны.

В провинции Газа создано

130 коммунальных дере- вень, объединяющих 150 тысяч крестьян, имеется сер- сок сельскохозяйственных кооперативов и пять госхо- зов, в том числе крупней- ший агропромышленный комплекс в долине реки Лимпопо, где наряду с мо- замбикскими труженниками работают специалисты из Советского Союза, Болгарии и ГДР, отметил Г. Зимба.

Партия ФРЕЛИМО дела- ет все возможное, чтобы за-

щитить революционные на- равления мозамбикского на- рода от происков внешней и внутренней контрреволю- ции и обеспечить необходи- мые условия для строитель- ства социалистического об- щества в НРМ, подчеркнул Г. Зимба. В провинции Газа на всех сельскохозяйствен- ных и промышленных пред- приятиях созданы отряды народной милиции и группы бдительности. Они продвигают вперед свою боеготовность еще в пе- риод вооруженных рейдов родезийских расистов, кото- рым пытались нанести уда- ры по основным экономиче- ским объектам провинции.

Л. И. Брежнев

ВОСТОК И НАША ЖИЗНЬ

ЖИЗНЬ ПО ЗАВОДСКОМУ ГУДКУ

1

Мне посчастливилось родиться, вырасти, получить трудовую записку в рабочей семье, в большом рабочем поселке. Одно из самых ранних, самых сильных впечатлений детства — заводской гудок. Помню: зина только занимается, а отец уже в спешке, мать провожает его у порога. Ревет басовитый гудок, который, казалось мне, слышен по всей земле.

Радио не было, часов рабочие не имели, завод сам созывал их на работу. Первый предупредительный гудок давался в полшестого утра, затем в шесть — на смену, потом в полшестого вечера — предупредительный и опять на работу — в шесть. Народу в нашем Каменском, будущем рабочем городе Днепродзержинске, было тогда двадцать пять тысяч, и весь отсчет времени, весь бытовое уклад, привычки, нравы, сам труд людей — словом, вся жизнь шла по гудку.

Я быстро одевался и босиком, не поев, бежал вслед за отцом. Если он брал меня за руку, я гордо оглядывался вокруг: вот, дескать, какой вырос большой, уже иду на завод, а мне только шел пятый год. Из соседних домов, из боковых улочек и переулков выходили другие рабочие, нас становилось все больше, одеты были почти все в потертые куртки и штаны из грубой «китайки». И мне, помню, очень нравилось шагать вместе со всеми.

Тысячная толпа валила вниз, к Днепру, к Базарному спуску. Тут отец оставил меня, и вскоре его нагнать удалось среди множества каргузов, кепок, войлочных шапок — я только издали видел, как втягивала смену черная дыра проходной. А лет, наверное, семи я и сам первый раз вошел в эти ворота — с судками в руках, в которых нес обед для отца.

Завод работал в две смены, каждая по двенадцать часов, а бывали дни (при ломке смен), когда рабочие и по восемнадцати часов оставались на производстве. Столовой не было, обеды на переменах не полагалось — наскоро перекусывали тем, что брали с собой из дома. Некоторым еду в узелках приносили жены, дочери, сестры. Позже я узнал: отец и мать мои встретились не на гулянье, не в городском саду, не в гостях и не в клубе, которого, впрочем, в их пору и быть не могло, а здесь же, в железопрокатном цехе Днепровского завода.

Отец был помощником вальцовщика, а сварщиком на нагревательных печах стоял старый рабочий Денис Мазалов. Я его хорошо помню: крапчатый, немногословный, настоящий русский мастерской. Родом он был из Енакиева, работал прежде в Никополе, на наш завод перешел уже с большой семьей, и обед ему часто приносила взрослая дочь Наталия. Вот здесь-то, у нагревательных печей, у стана «280», молодые люди и познакомились, а год спустя поженились. Отцу тогда было двадцать восемь лет, матери — двадцать.

Что можно еще сказать о своем происхождении? Родословные рабочие семьи, как известно, не вели. Знаю, что отец, Илья Яковлевич Брежнев, поступил на завод в 1900 году. Он пришел сюда из Курской губернии, из деревни Брежнево Стрелецкого уезда. Название деревни, как и фамилия наша, происходило, надо полагать, от прибрежного ее положения, а возможно, и от понятия «беречь», «оберегать», что вполне согласуется с крестьянским бережливым отношением к земле-кормилице. Землю ценили, защищали, берегли, веками поливали ее я потом и кровью. Но веками же бедность не покидала людей, иначе не пришлось бы отцу уходить на заработки из родных мест.

Между прочим, впоследствии жил с нами в одной квартире дядя Арнадий, по фамилии тоже Брежнев, но отцу он братом не приходился, а был земляком. Приехал, как все, на заработки, отец пустил его к себе, он вышел в металлургии, и уже после этого, женившись на младшей сестре моей матери, стал нам родней, а мне дядей. По видимому, как это повелось в русских селеньях, однофамильцев в нашей деревне было немало.

Таким образом, по национальности я русский, по происхождению — коренной пролетарий, потомственный металлург. Вот и все, что известно о моей родословной.

Уместно в связи с этим вспомнить родословную рабочего класса России. Бурный его рост начался как раз на рубеже XIX—XX веков, что и вызвало перемещение огромных масс народа, крупные перемещения в жизни миллионов людей. Судьба каждого из них в отдельности могла показаться случайной, но общая их судьба была исторически обусловлена, можно сказать, предопределена промышленной революцией, которая совершалась в стране. И совсем не случайный привел моих родителей именно на Екатеринославщину (в нынешнюю Днепродзержинскую область), заставил обосноваться именно на юге России.

В этом краю счастливо соседствовали уголь Донбасса и руда Криворожья, железная дорога связала их, водная магистраль Днепра позволяла отправлять готовый металл машиностроителям Беникса, Брянска. Все это, вместе взятое, а также безграничные возможности привлечения дешевой рабочей силы тянули сюда не только российских предпринимателей, но и иностранных капиталистов. Днепровский завод, например, объединил бельгийский, польский и французский капитал («компитал», говорили у нас в слободке, имея в виду слово «компит»). Завод рос чрезвычайно быстро: с 1887 по 1896 год население в Каменском увеличилось с 2.000 душ до 18.000.

Эти цифры приведены в книге В. И. Ленина «Развитие капитализма в России». «То, что прежде складывалось веками, — писал он, — осуществляется теперь в какой-нибудь десятый лет». Много позже, будучи студентом, я читал эту классическую труд и обратил внимание на то, с какой тщательностью и глубиной Владимир Ильич исследовал рост металлургии Юга. Для меня, помнится, было очень важно, что великий вождь мирового пролетариата анализировал общественно-экономическое развитие этой страны, анализируя в первую очередь Россию, а не чуждую ей, в том числе бывшее село Каменское, изучая его прошлое, анализ настоящего, предвидя будущее.

В 80-е годы прошлого века по технической оснащенности первыми шли Санкт-Петербургская губерния, Московская, Киевская, Пермская, Владимирская, но уже в

90-х годах после столичной, отеснив старые промышленные центры, шла Екатеринославская губерния. На Урале «число паровых сил» за десять лет возросло в два с половиной раза, а на Юге за то же время — почти вшестеро. При этом южные заводы в отличие от уральских использовали уже не древесный, а каменный уголь, чугуны выплавляли уже не на холодном дутье и в выделке железа отбросили древний так называемый кричный способ.

«Насколько Урал стар, — делал вывод В. И. Ленин, — и господствующее на Урале порядки «современности века», настолько Юг молод и находится в периоде формирования. Чисто капиталистическая промышленность, выросшая здесь в последние десятилетия, не знает ни традиций, ни сословности, ни национальности, ни замкнутости определенного населения».

Все это, повторяю, я прочел и осмыслил поэме, в студенческие годы. Но то, о чем писал Ленин, я видел и запомнил еще с детских лет. Многоязычный говор, толпы испуганных мушкетеров, степенных и нам из разных губерний, баракки, сколоченные на скорую руку, и строительство домен, мартенов, мощных прокатных станов — помню все это до мельчайших подробностей. Завод в ту пору самый крупный на Юге, возвышался над поселком. Все у нас тасовало к нему, и я, как и другие сыновья рабочих, знал, что вслед за отцом приду в цех к живому огню. Об иной доле в поселке и не помышляли. Завод громко гудел, напоминая о себе, и я знал: это моя судьба.

По тому времени завод считался хорошо оснащенным, но, разумеется, ни ролангов, ни подъемных столов в цехе не было. Вагоны разгружались лопатами, уголь в толки толке кидали лопатами, понуря лошадей возила черные слитки на нагревательных печах, у которых орудовал мой дед Денис. Отсюда раскаленные добеда «штучки» весом в полтонны крючьями волокли к стану, потом вручную перетаскивали с одного каландра на другой, а из последней клети, ухватив щипцами еще горячую, но уже раскаленную, тонкую ленту, бегом ткнули ее на плитовой настил, где металл должен был остыть.

Снова и снова замирал на своем месте (у нас говорили: «в петле») высокий роста, плечистый, в фартуке и чухаче рабочий. Я хорошо видел: он весь в напряжении, клещи в любой момент наготове. Едва лишь вырвется из клещей раскаленная, шипящая, алая змея, как он тутчас же усмирит и широким взмахом переберет, «задаст» в другие вали. Сказочным силачом, великаном представлялся мне в тот момент человек. А это был мой отец.

Заметил меня, отец завел меня в Арнадия, или нашего соседа Луку, или еще кого-то из рабочих, чтобы подменить его, ополаскивал руки, лицо, выходил наружу, шуршал на солнце и садился на чухачку траву обдирать. Ел он молча. Иногда глядя шершавой рукой мне в голову, спрашивал, как дома, как мать. Конечно, обед всегда одинаково, отец говорил: «Иди гуляй». И я, не понимал какой алов труд снова ему предстоит, бежал со своими друзьями к дымящим трубам, за которыми кончался завод.

За краем построек рос краснотал, и в этих зарослях мы пробрались к Днепру. Берег в том месте был отвесный и обрывист. Мы смотрели сверху, и даль перед нами открывалась неоглядная. Внизу голубая вода, виднелся зеленый остров, поросший кустарником, дальше все было подернуто синевой: вода, луга, заречные села Николаевка и Курьяновка — для нас это уже был край света.

Детство есть детство. Тут, у Днепра, все для нас было радостью: сбегаешь вниз по обрыву, купались, переплывали на остров. Но только не весной. В разлив вода скрывала островные деревня, дальний берег едва был виден. Сейчас, вспоминая Гоголя — «редкая птица долетит до середины Днепра...», — я думаю, этот образ реки возник у него из памяти детства.

Память о детстве всегда приятна, но хотелось бы избежать ошибки, в которую нередко впадают авторы воспоминаний: прошедшее им рисуется в розовом свете хотя бы потому, что сами они тогда были молоды.

2

Наша семья жила в рабочей слободке, которая называлась «Нижняя колония», в Аксеновском переулке. Здесь я и родился 19 декабря 1906 года. Все в той же комнате явились на свет мой брат Яков и сестра Вера.

Забота о духовных потребностях жителей исчерпывалась тем, что в поселке Каменском были две православные церкви, католический костел, лютеранская кирха и еврейская синагога. Прочие «очаги культуры» начинались прямо у заводской проходной: трактор Стригулиана, трактор Смрнова и еще бесчисленное количество тракторов, каменных винных лавок.

А к югу-западу от поселка, в «Верхней колонии», был совсем иной мир: стояли двухэтажные, просторные, благоустроенные дома администрации завода. Даже дым, извергающийся из многочисленных труб — высоких и низких, круглых и восьмигранных, — отворачивал от них в сторону, тянулся почти всегда к рабочей слободке. Поэтому я понял, что тут учтена была роза ветров Днепрорыва. По этой причине дымным было небо моего детства, слой копоти покрывал наши дома.

Рабочим на территории «Верхней колонии» вход был строго-настроено запрещен. Там светился по вечерам электрический свет, туда подкатывали пролетки на двух колесах, из них выходили важные дамы и господа. Это была как бы другая порода людей — сытая, холерная, высокомерная. Инженеры, в форменной фуражке, в пальто с бархатным воротником, иногда даже не подал руки рабочему, а тот, подходи к инженеру или мастеру, обязан был снимать шапку. Мы, дети рабочих, лишь издали, из-за решетки городского сада, могли смотреть на флансирующую под духовой оркестр «истинную публику».

Чтобы хорошо понимать и ценить нынешнее, человек должен в истинном свете видеть минувшее.

«Тане наторские условия, как на Каменском заводе, вряд ли где встретишь, — свидетельствует одна из большевистских листовок, распространявшихся в нашем поселке. — Где это видно, чтобы работа продолжалась целый год без всяких праздничных дней и чтобы приходилось работать по двенадцати часов подряд, а иногда и по восемнадцати, не имея перерыва ни завтра и ни обед? Где это слышно, чтобы с рабочих вычитали на ремонт зданий, на поправку машин и инструментов? Иными ирландскими, видно, мало теда барышней, которые они волочат от нашего труда, и они, придираясь к каждому случку, штрафуют нас... Вечно работа, вечно в грязи живем мы затем, чтобы кошелек хозяев был полон, а наши желудки пустыми».

Революционная история рабочих юга России известна. Напомним, что первые социал-демократические кружки появились здесь еще в 1885 году. Был такой кружок и в Каменском, куда впоследствии регулярно доставлялись листовки «Искра». В разные годы по заданию В. И. Ленина в этом краю вели активную работу такие его ученики и соратники, как И. Х. Лаалин, В. П. Ногин, В. А. Шелгунов, М. Г. Цуканя, Р. С. Землячина, В. В. Воронский, П. Н. Лелешицкий, Г. К. Орджоникидзе. Но особо хотелось бы сказать о трех большевиках из племени первых рабочих, ставших сознательно на путь революционной борьбы.

Екатеринославский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» организовал в 1897 году Иван Васильевич Бабушкин. В. И. Ленин, как известно, называл его гонимым партией народным героем. «Без таких людей, — писал Ленин, — русский народ остался бы навсегда в рабском рабстве, народом холопов. С такими людьми русский народ завоевал себе полное освобождение от всякого эксплуататора».

В кружке Бабушкина приобщился к революционному движению Григорий Иванович Петровский. Имя этого рабочего-революционера, впоследствии видного деятеля нашей партии, присвоено заводу, на котором он работал токарем. В память о его заслугах и город Екатеринослав был переименован в Днепродзержинск.

Николай Ефремович Вилонов — третий из тех, о ком хотелось вспомнить: он менее других известен. Между тем это тоже был герой и мученик освободительной борьбы. Летом 1903 года, когда стачечная волна охватила весь юг России, он стал в Екатеринославе членом искомского комитета РСДРП. Принял партийную кличку Миша Заводской, да и был человеком заводской, квалифицированный слесарь, истинный рабочий по духу.

Когда в эти места пришла весть о расколе, происшедшем на II съезде РСДРП, Вилонов сразу причислил себя и большевикам. Он написал большое письмо В. И. Ленину, но ответа не получил, потому что вскоре был арестован и сослан в Сибирь. А Владимир Ильич ему ответил, и эти письма встретились десятилетия спустя в архиве Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС. На ленинском ответе сохранилась приписка, сделанная рукой Н. К. Крупской: «Мише Заводскому послано 22/ХII».

Больше того, основатель нашей партии полностью пометил мнение «одного заводского рабочего из города «ва» в своей брошюре «Письмо к товарищу о наших организационных задачах». А встретились они с Вилоновым лишь через шесть лет, в Париже, и когда Крупская заметила, что из Екатеринослава им писал когда-то интересный письма Миша Заводской, Вилонов улыбнулся: «Тан это я и есть». Тут только выяснилось.

Вилонов прошел обычный путь революционера — аресты, одиночки, тюрьмы, побег, новые аресты, ссылки. Иандармы бросали его в сырые карцеры, отбили ему легкие, довели до ранней чахотки. И все равно он вырос в одного из видных организаторов и пропагандистов партии, а в революцию 1905 года был в Самаре председателем Совета рабочих депутатов. Ему исполнилось в ту пору всего двадцать два года.

Уже смертельно больной попал он в эмиграцию, жил на Капри, оказался в самом центре фракционной борьбы. Время было тяжелое. Наступили годы реакции, начались идейный раздор, появились «отзовисты», «обоготворители», «амфирионисты» и проч. Рабочему-революционеру не просто было разобораться во всем этом, но он безослабно сделал свой выбор — пошел за Лениным. Известно письмо Владимира Ильича А. М. Горькому, где, рассказав о долгой беседе с Михаилом Заводским, он выражает глубокую веру, что рабочий класс выкует свою партию — «выкует скорее, чем кажется иногда с точки зрения трояцкого эмигрантского положения, выкует вернее, чем представляется, если судить по некоторым внешним проявлениям и отдельным эпизодам. Такие люди, как Михаил, тому порукой».

Да, такие люди, как Бабушкин, Петровский, Вилонов и тысячи других, были тому порукой. И я пишу об этих беззаветных борцах, чтобы стало еще яснее, почему рабочий класс России шел всегда за В. И. Лениным, за большевиками, за великой партией коммунистов. В революции 1905 года рабочие-днепрорывцы принимали уже самое активное участие. Вслед за Советами рабочих депутатов в Иваново-Вознесенске, Петербурге, Москве, Киеве, Екатеринославе, Луганске и других крупных городах создан был Совет и в поселке Каменском. Тон в нем с самого начала задавала большевика и председателем был избран большевик И. М. Беседов, заводской электрик. Впоследствии мне приходилось с ним встречаться: после гражданской войны, он был у нас председателем городского Совета, а затем директором завода.

Борьба продолжалась и после поражения первой русской революции. Несмотря на массовые аресты, несмотря на идейные штания, меньшевики и эсеры сильных позиций здесь никогда не имели. Борьба ширилась, работали подпольные кружки, были стачки, проводились митинги. Например, 4 июня 1912 года «Правда» писала: «Вчера на Каменском заводе полиция арестовала 22 человека по обвинению в попытке устроить политический митинг». В одном из следующих номеров газеты сообщалось уже, что «на Каменском заводе арестовано 32 рабочих». Но боевой дух рабочего класса нельзя было сломить.

«Только подняв всеобщее вооруженное восстание от края до края, — призывала листовка, ходившая на нашем заводе в 1916 году, — только разрушив окончательно дряхлую деспотию Николая II и учредив на ее развалинах демократическую республику, мы сможем предохранить себя от повторения ужасов человеческой бойни... Пусть наша борьба будет единой, всеобщей, ибо в единении — сила!»

Конечно, в те годы я этих листовок не читал, на малякни нас, мальчишек, не брали, да и вообще далеко не все было нам доступно и ясно. Но в этой атмосфере я рос, дышал и чужие рабочие были мне изначально близки, и приобщался к ним, слушая разговоры взрослых, видя их в трудные дни забастовок. Могу сказать, что с детских лет мне открылись лучшие черты рабочего человека.

Он великий труженик, ему присуще неслыхаемое терпение, он знает свое дело и привык делать его хорошо. Даже в царские времена, даже в условиях эксплуатации ему претил плохой заработок, ибо всегда он ценил мастерство и уважал свой труд. Почти все богатства, накопленные человечеством, созданы его мускулистыми руками, но сам он не приважен к собственности, душа его не убита корыстными расчетом, а живы в ней широта, удаль и вечная тяга к справедливости. Он находчив, смекалест, наделен живым умом и характером. Он решителен, смел, верен дружбе, готов в любой момент прийти на помощь товарищам. Заводской гудок велит вставать на смену, он же и спланивал рабочий, возникало высокое чувство единения, общности интересов, той пролетарской солидарности, которая миллионы людей, разных по возрасту, опыту, обычаям, национальности, делала могущественным, монолитным, подлинно революционным классом.

К этому классу я принадлежал по рождению, в этой среде был воспитан, с нею связан, можно сказать, кровными узами. Мой отец до конца дней оставался рабочим. Рабочими были мой дед, братья матери — мой дядя, и сам я, когда пришел срок, поступил на завод, а за мной следом брат, сестра, муж сестры... Семья Брежневых многие десятилетия своей жизни отдавала родному заводу, нашу фамилию вы и сегодня найдете в заводских списках.

3

Скажу подробнее о семье, потому что именно тут лежат истоки характера человека, его отношения к жизни. Мои родители испытали на себе всю тяжесть царского гнета, жили большую часть жизни трудно, но дома у нас всегда царил согласие. Возможно, не обходилось и без каких-нибудь трений, но мы, дети, этого не ощущали, даже повышенных голосов нам слышать не пришлось.

Отец был человек сдержанный, строгий, нас не баловал, но, сколько я помню, и не называл никогда. По видимому, в том не было нужды: росли мы в духе уважения и родительства. Ростом отец был высок, худощав, как большинство прокатчиков, физически очень силен. Черты лица имел тонкие, у него были хорошие, выразительные глаза. Он всегда следил за собой, дома был чисто выбрит, податунт, любил аккуратность во всем. И эти его привычки, видимо, передались и нам. Ему в высшей степени было свойственно чувство собственного достоинства, он не лгувал, был прямодушен, тверд и его уважали товарищи. Видеть это нам, его детям, было приятно.

«Был уж ты общал, то зряя слово, — говорил мне отец, — Сопынешься — говори правду, больше — не давай, а сказал — не трать. Если уверен в правде — стой на своем до конца».

Так он и в нас воспитал, слова у него не распадались с делом.

Вспомню в последние Каменские выборы районный. В одной из партий заводской организации был большевик, Иван. Среди рабочих тогда были немалые разногласия, но был

ше местных — украинцев и очень много елецких, курских, орловских, калужских мужиков. Отец мой разницы между труженниками не делал, как мы сказали бы теперь, разделял людей не по национальному, а по классовому признаку. И для меня тогда, вспоминая, был чужим, а дети рабочих, тех же поляков, были свои.

После революции, когда завод перешел на восьмичасовой рабочий день и надо было укомплектовать третью смену, отца назначили фабрикантом. Долгие годы он проработал вальцовщиком, считался мастером своего дела, однако новые обязанности требовали не только опыта, но и солидных знаний. Фабрикант дает задание в мартеновский цех, отделяет, из каких болванок можно получить заказанные профили, какие выбрать марки стали, как вести термическую обработку, чтобы уменьшить потери тепла и т. д. По существу, тут требовался уже инженерный расчет, а отец дошел до всего многолетней практикой и природным умом.

В советское время мы переехали на улицу Пелина, в новый заводской дом, где получили двухкомнатную квартиру на первом этаже. Одну из комнат отец уступил семье дяди. Жили мы дружно, весело, часто принимали гостей, пели песни, были беседы до полуночи, и мать, вало, никого не отпустил, пока не накормит. Дом стоял у станции Тритузной, тогда это считалось окраиной города, позади был великий дворник, цвели акрианы, утро начиналось с пения птиц.

Отец вышел в ударины, стал в 30-е годы стахановцем, был окружен уважением, детей поставил на ноги, мы все уже работали, помогали семье, тут бы ему только и пожить. Но он вдруг заболел и умер, когда ему не исполнилось шестидесяти лет.

Отец до последних дней жил заводскими заботами. Он всегда проявлял живой интерес ко всему, что происходило в стране, в мире. В моей памяти сохранился один разговор, который я часто вспоминаю потом и хотел бы здесь его воспроизвести. В тот день я пришел со смены и начал, как повелось, рассказывать отцу о заводских делах. Но отец думал о чем-то своем. Он перебил меня:

— Скажи, Леня, какая самая высокая гора в мире? — Эверест.

— А какая у нее высота? — Я опешил: что это он меня экзаменует? — Точно не помню, — говорю ему. — Что-то около девяти тысяч метров. Зачем тебе? — А Эйфелева башня? — По-моему, триста метров.

Отец долго молчал, что-то прикидывая про себя, потом сказал:

— Знаешь, Леня, если б поручили, мы бы сделали выше. Дали бы прокат. Метров на шестьсот подняли бы башню.

— Зачем, отец? — А там бы наверху — перекладину. И повесить Гитлера. Чтобы, понимаешь, вылезла, все видел, что будет с тобой, кто отвечает войну. Ну, может, не один такой из всех Гитлер, может, еще есть кто-нибудь. Так хватило бы места и для других. А? Как ты думаешь?

Весь вечер — рабочий, и тане мыслы в голове. И когда? Еще задолго до войны, до нашей Победы, до Гюррибергского процесса, приговора гитлеровских главарей к позорному столбу. Человек не изучал марксистской теории, но, как говорится, интуитом чувствовал великую правоту нашего дела, видел опасность фашизма и очень верно выразил отношение рабочего класса, всех трудящихся к угрозе войны.

Мать моя, Наталия Денисовна, намного пережила отца. И если от него я воспринял, как говорили у нас, упорство, терпение, привычку, завязав за дело, непременно доводить его до конца, то от нее мне достались в наследство общительность, интерес к людям, умение встречать трудности улыбой, шуткой. Всю жизнь она работала, растила нас, кормила, обстирывала, выхаживала в дни болезней, и помня об этом, я навсегда привык уважать тяжелый, невидный, конца не знающий и благородный женский, материнский труд.

Работая впоследствии в Запорожье, Днепродзержинске, Молдавии, Казахстане, я пользовался какким случаем, чтобы повидаться с матерью, всегда относился к ней с глубоким сыновним почтением. Скажу boldly: человек, который не любит мать, давшую ему жизнь, выкоренившую и воспитавшую его — такой человек мне лично подарителен. Не зря говорится в народе — Родина-мать: кто мать способен бросить и забыть, тот и Родине будет плохим сыном.

Я уже работал в Москве, а мать все никак не соглашалась переехать ко мне, жила в том же доме на улице Пелина, все в той же тесной квартире — с сестрой и ее мужем, дельным инженером, выросшим до начальника цеха на нашем заводе. Позже я узнал — не от родных, они мне об этом не писали — такую историю. Местные власти сочли неудобным, что мать секретаря ЦК КПСС живет в такой квартире, и предложили более просторную, более светлую, со всеми удобствами. К тому времени, надо заметить, в Днепродзержинске широко развернулось жилищное строительство. Однако мать, как и уговорили ее, отказалась от переезда, продолжала жить в прежнем доме. Ходила в магазин с кошелем, сердилась, если выданы уступили ей очередь, вела по-прежнему все домашнее хозяйство, очень любила угощать людей. До сих пор вспоминаю ее домашней выделки лапшу: никогда такой вкусной не ел. А вечерами в своей старушечьей кофте, в темном платочке она выходила на улицу, садилась на скамейку у ворот и все говорила о чем-то с соседями.

Находились, как водится, люди, которые знакомство с матерью Брежневых хотели использовать в своих целях, совали ей для передачи «по инстанциям» всякого рода жалобы и заявления. И, должен сказать, я поразился ее уму и такту, высочайшей скромности, с какой держалась она. Мне опять-таки ни разу мать ничего не говорила, а узнавая я стороной, от других. Она считала, что не вправе вмешиваться в мои дела. Знала, как я уважаю ее и люблю, но если кому-то по ее просьбе, скажем, с жильем, то это ведь за счет других, кто не догадался или не смог обратиться к ней. А те, может быть, больше нуждаются в поддержке. Так примерно думала мать, а говорила просто:

— Вот мои две руки. — И поднимала жилистые, изработавшиеся, старые руки. — Чем могу, я всем тебе помогу. Но сыну наказывать, чего ему делать, я не могу. Так что извини, если можешь.

В 1966 году мать переехала ко мне в Москву. Она дождалась правнуков, жила спокойно, в ладу со своей совестью, была окружена любовью всех, кто ее знал, гордился доверием, которое народ и партия оказали ее первенцу, и для меня великим счастьем было после всех трудов сидеть рядом с мамой, слушать ее родной голос, смотреть в ее доброе, лучистые глаза.

4

Я еще не сказал: не только отец мой знал грамоту, но и мать умела писать и любила читать, что в пору ее молодости в рабочей слободке было редкостью. Лишь повзрослев, я понял, чего стоила родителям их решимость дать нам, детям, настоящее образование. А они хотели этого и добивались: девять лет от роду я был принят в приготовительный класс каменской мужской классической гимназии. Вспоминаю, мать все не верила, что пришла, да и вся улица удивлялась.

Дети рабочих прежде в гимназии вообще не допускали. Да и тут в распахнутой двери, а только чуть приоткрытой. По-видимому, с одной стороны, это вызвалось потребностями растущего производства, а с другой — сказывалось влияние революционных событий в России. Тем не менее для нас был устроен, особый конкурс, была самая способная, примерно одного из пятиклассников, и всего-то сыновей рабочих приняла в тот год гимназия. Все прочие пятиклассники провалили на «Березке» экзамен, проваливали в среде школьников, бодромы, умелые, заводские, заводские.

Воспоминания

[Продолжение. Начало на 2-й стр.]

Нас именовали «назанными стипендиатами». Это не значит, что мы получали стипендию, а значит лишь то, что при условии отличных успехов нас освобождали от платы за обучение. Плата же была непомерно велика — 64 рубля золотом. Столько не зарабатывали даже самые квалифицированные рабочие, и, конечно, отец таких денег при всем желании платить бы не мог.

Учился я, как, впрочем, и все мои друзья, хорошо. Во-первых, нравилось узнавать новое, во-вторых, отец строго следил за моими занятиями, а в-третьих, учиться плохо было попросту невозможно — для нас это было бы равносильно исключению из гимназии.

Отношение к нам, сыновьям рабочих, было иное, чем к гимназистам из «Верхней колонии». И нас зло было и азартное желание доказать, что неправда это, будто мы неспособны к наукам, что не глупее мы сыновья из богатых семей, которым многое вращалось.

Любимым нашим учителем был историк Ковалевич. Он прекрасно вел свой предмет, рассказывал не только о царях, но и о Разине, о Пугачеве, от него я узнал впервые о восстании декабристов, услышал имена Чернышевского, Герцена. Он учил нас думать, понимать закономерности развития общества и, как я понял впоследствии, далеко выходил за рамки официальной программы. Конечно, мы не догадывались, что лучший из наших учителей — большевик, подпольщик, и узнали об этом позднее, когда денкинци расстреляли его. Сейчас в городе Днепродзержинске есть улица Ковалевича. Возможно, не все молодые знают, в чью честь названа она, и я рад, что могу об этом сказать.

Февраль семнадцатого года докатился до Каменского раскатами отдаленного грома. Самодержавие рухнуло. Однако война продолжалась, очереди за хлебом не уменьшились, на земле по-прежнему сидели помещики, заводы по-прежнему владели фабриканты. И у нас «Верхняя колония» все так же свисала, хоть уже не без страха, взирала на «Нижнюю». Хозяева остались хозяевами, рабочие — рабочими.

Совсем по-иному запомнились, я бы сказал, навеки врезались в мою память великие дни Октября.

Заводской гудок заревел вдруг в неурочный час. Время как бы раскололось, перемолось на две части, начал свой новый отсчет. Это было совсем необычно для нас, и мы встали из отдаленных кабинетов, встали из цехов, грозно гудели людские голоса, безграничное людское море бушевало на площади. Видны были солдатские шапки раненых, вернувшихся с фронта, кое-где мелькали женские платки, но больше всего было рабочих-металлургов. И мне запомнилось ощущение всеобщего подъема, настоящего торжества.

Начался митинг, на котором выступил М. И. Арсеничев, первый руководитель каменных большевиков. Он работал у нас в котельном цехе, рано втянувшись в революционную борьбу, печатал и распространял листовки, потом, когда за ним установили слежку, уехал в Петроград, прошел славный путь подполья, не избежал и сибирской ссылки, был среди тех, кто встречал В. И. Ленина на Финляндском вокзале, слышал его знаменитую речь, кончившуюся призывом: «Да здравствует социалистическая революция!» Впоследствии Арсеничев был в годы гражданской войны расстрелян белыми, и учиться мне довелось в Металлургическом институте имени Михаила Арсеничева.

Тогда на митинге он говорил о великой победе пролетариата, рассказывал о II Всероссийском съезде Советов, объявил о том, что образовано первое в мире рабоче-крестьянское правительство, а во главе его стоит Владимир Ильич Ульянов-Ленин. Народ пришел в движение, раздался крик: «Ура!» И еще я помню, с каким заманчивым сердцем, задрал голову, смотрел на красное полотнище, ревящее на фоне осеннего серого неба.

Каждое поколение, хочется добавить, получает в наследство от предшествующих поколений то, что было ими завоевано, добыто, построено, сделано, и идет дальше, продолжает свой путь — уже на новой высоте, на новой ступени исторического развития. Молодым кажется порой, что все главное осталось позади. Позади революция, позади дни гражданской войны, годы социалистического переустройства гигантской страны, позади героика Великой Отечественной войны... Так думают юноши и девушки, но наступает их время, астафета от делов и отцов переходит к ним в руки, и тогда выясняется, что

и на их долю выпадают немалые испытания и величественные дела.

Меня сегодня согревает мысль, что у поколений революционных борцов, строителей первых пятилеток, воинов Отечественной войны выросла достойная смена. Задачи немалыми прежде масштабов мы можем поручать комсомолу, всем молодым людям Советской страны и видим, что им присуще благодарное чувство личной ответственности за все, происходящее на нашей земле, что во всякое начинание они вносят свой романтический порыв и, я бы сказал, молодую охваченность. Молодежь растет коммунистически убежденной, глубоко преданной делу партии, делу великого Ленина, верной идеалам Октября.

Вот об этом и думаю я, вспоминая красное знамя революции, ревящее на фоне сумрачного осеннего неба. Никогда не уйдет на моей памяти приход Октября в наш рабочий поселок. Знамя поднято было высоко-высоко, на трубу доменной печи номер один.

Велика была сложность социального бытия в годы моей юности, на сломе эпох. Днепривчан пришлось тогда нелегко: власть Центральной Рады сменили немецкие войска, за ними появился Петлюра, в январе 1919 года его выбила из Каменского конница Красной Армии, но спустя полгода пришла белая, а там махновцы, григорьевцы. Всякая шушера вылезала на поверхность, вытесывали на собраниях украинские «самостийники», меньшевики, кадеты, эсеры, анархисты. Политическое воспитание мы в те годы проходили весьма наглядное, мучительное, как говорится, не по дням, а по часам.

И вот что хотелось бы еще раз подчеркнуть: город наш был рабочий, население в большинстве своем было рабочим и потому пролетарскую революцию у нас всегда считали своей, партию большевиков — своей, власть Советов — своей! То есть проблемы выбора, самого вопроса, с кем идти, чью сторону держать, у рабочих-днепривцев не было. Мой отец, например, в партии, а точнее ни в каких партиях не состоял, но с первых лет революции активно поддерживал большевиков, и позже, когда я вступил в комсомол, а затем стал членом Коммунистической партии, отец и мать встретили это как большие и радостные события.

В первые трудные послереволюционные годы, едва только отгремели выстрелы гражданской войны, в литейном цехе нашего завода был отлит из чугуна памятник, можно сказать, уникальный. Он и сегодня стоит на одной из красивейших площадей Днепродзержинска. На высокой колонне поднялся легендарный титан Прометей, оковы его сорваны, и руке у него огненный факел, у ног — поверженный орел, всеми таранвший его. Символика эта очевидна и в тольм мой кости была понятна всем. Мы ведь помнили, как повержен был двуглавый царский орел, а животворящие пламя всегда было в руках металлургов. Они создали титан из металла тому, кто похитил у богов и навел подарил людям огонь. Это памятник Прометею и одновременно — монумент рабочему классу.

Настал знаменательный день моей жизни. В свои пятнадцать лет я стал рабочим. Гимназия, преобразованная в Первую трудовую школу города Каменского, выдала мне свидетельство об окончании школы. Надо было работать, помогать семье, меня взяли на завод чечаром, потом перевели в слесари, и я довольно быстро освоил эти профессии. Завод давно был мне знаком, цеховой шум, грохот, запах нагретого металла — все здесь мне было по нраву.

Итак, пришел заветный день, когда заводской гудок прогудел и для меня, вместе с отцом я вышел на смену и трудился, как все. Ныли до ломоты мускулы, пот слезил глаза, но был я по-настоящему счастлив. И потом была радость: вернулся домой, скинул дочерна пропотевшую фуфайку, и мать, как бывало, отцу, сливала студеную воду на мои руки и я отмывал лицо. Помню, поднял голову и увидел слезы в ее добрых глазах. — Чего ты, мама? — От радости, Леня, от радости. Вот и ты уже стал нормальцем.

Мне приходилось однажды об этом говорить, но здесь повторю: я всегда помню своих наставников и старших товарищей, с которыми работал на Днепровском заводе. Они дали мне первую профессию, учили меня сложной науке жизни, показали великую силу и духовную красоту человека труда.

Такие университеты не забываются.

Чувство Родины

1

Чувство Родины у всех нас развито очень сильно. Прекрасное чувство! Оно питается, конечно, не только содеранием красоты нашей земли. Надо, как говорится, вращать в нее корни, и тогда человек до пота потрудится на ней, хлеб вырастит, заложит город, построит новую дорогу или окопы будет рыть на этой земле, защищая ее, — вот тогда он поймет до конца, что такое Родина.

Говорю об этом к тому, что в начале 20-х годов началась для меня пора узнавания родной страны. На поездках на речных пароходах, иногда верхом на лошади, а больше пешком приходилось «отмерять» многие тысячи километров. Началось все с поездки в края, откуда был родом отец. На курской земле я узнал, что такое крестьянская жизнь, приобщился к труду хлебороба.

Рассказу, чем вызван был такой крутой поворот в моей жизни. Разруха после гражданской войны сошла со страшной засухой в Поволжье. Тогда же, в 1921—1922 годах, засуха и голод обрушились также на Украину. По всей Екатеринославской губернии посеяны, в день на рабочего давали полфунта хлеба, да и то не всегда. Но пока вылезал оковы хлеба, пока дымил труба, пока работал завод, работали и мы. А потом настал черный день, когда пришлось остановить Днепровский металлургический завод.

В цехах воцарилась тишина, повсюду было запустение, подвальные водички с поразительной быстротой стали зарастать бурьяном, которому и сущь была не страшна. Люди разбегались по окрестным селам, меня что могли на продукты питания. Некоторые прихватывали с завода полосовое железо — богатые селен брали его на обручи. Наша семья такой предприимчивостью не отличалась, да и для обмена, как выяснилось, мы ничего не накопили. Отец и я перестали быть кориньцами, а стали едоками.

Жизнь в Каменском утратила всякий смысл. Открыли биржу для безработных, но работы от этого не прибавилось. Пошли болезни, начался голод, каждый день в соседних домах кто-нибудь умирал. Город обезлюдел, пришлось и нам сниматься с места. Помню, уходя, я оглянулся в последний раз — простился с заводом, и увидел на трубах, на эстакадах, на крышах цехов черные вороны гнезда. Впечатление осталось тяжелое: вверху кружило воронье, внизу стоял смертельный завод.

Таким образом, возвращение к земле оказалось вынужденным. Но по молодости меня и радовало нежданное путешествие, оно было первым в моей жизни, и тому же давно хотелось побывать на родине отца, испытать себя в сельском труде. Я уже хорошо понимал, как важен этот труд для народа, жизненно необходим для страны, познавая истинную цену хлеба. И когда пустились снова Днепровский завод, когда отец с матерью и младшими детьми вернулись домой, то, как ни тосковало меня в родной цех, я счел себя обязанным остаться и долго еще работал в сельском хозяйстве — на курской земле, в Белоруссии, на Урале.

Вот с той поры и открылись во мне две привязанности, о чем хочу теперь рассказать. Уважение к сельскому труду передано мне с детства — от родителей, от всей обстановки Каменского и окрестностей. Поселок наш был особенный. Наполняла Каменское оставалось село, хоть и жил в нем настоящий, заводской заказки пролетариат. В самой душе пролетариев жил дух недавних крестьян. Отец частенько рассказывал, как сам он «мыкал крестьянство». Дыха в то время было немало,

но я видел, с какой тайной печалью и нежностью отец говорил о сельском приволье, о пахоте, сеносеке, о мотыльбе, о хлебе, добытом своими руками. И, конечно, совсем не случайно отношение к хлебу было в нашей семье предельно уважительное. Веселое пришлое матери, которое каждый день звучало у нас за столом, запомнилось на всю жизнь: «Ну, ребятки, поели а теперь каждую крошку — в ладошку!» Не от скудности и не от ступности родился в народе эти слова. Они воспитывали в детях бережное, я бы сказал, священное отношение к хлебу.

Без такого отношения к хлебу насущному не может, я считаю, вырасти достойный, нравственный в полном смысле этого слова человек. Сейчас в столовых, в кафе и булочных стали вывешивать красиво оформленные призывы беречь хлеб. Это, конечно, полезно. Однако грустно, что понаблюдались такие призывы. Бережливость должна прививаться с раннего возраста, и в первую очередь в семьях родителей.

Здесь уместно будет напомнить, что в 1918 году управделами Совнаркома В. Д. Бонч-Бруевич спросил: «Владимир Ильич, можно ли одним словом выразить, за что мы сейчас боремся?» Не задумавшись ни на минуту, В. И. Ленин ответил: «Хлеб». Он писал в те годы, что борьба за хлеб есть борьба за социализм.

Мысленно возвращаясь к годам своей молодости, я вижу сейчас: работа на селе была очень нужной и важной для государства. И я тут многому научился и многое понял. Впоследствии я вернулся в Днепродзержинск, пришел на завод, стал инженером-металлургом, но само время не дало полностью отгородиться от сельских дел. Они пересеклись с опытом заводской жизни, соединились, дополнили друг друга. Вся дальнейшая жизнь моя едва ли не в равной степени довелось заниматься и тем и другим. Две привязанности слились в одну. И я благодарен судьбе за то, что она дала мне уроки жизни и на крестьянском поле и под крышей завода.

Однако я забегал вперед, а тогда, узнав жизнь деревни в один из самых тяжелых периодов, поработав и на пахоте, и на севе, и на косовище хлебов, по-настоящему привязавшись к земле, в 1923 году я поступил в курский землеустроительный техникум. Славил конкурсные экзамены и прошел неплохо — дали мне повышенную государственную стипендию.

Техникум был старинный, с хорошей учебной базой, давними прогрессивными традициями. (В нем, между прочим, учился и В. Д. Бонч-Бруевич). За четырехлетний период обучения мы получали основательные знания по математике, физике, химии. На институтском уровне изучались специальные предметы — геология, общая геология, почвоведение, география, сельскохозяйственная статистика. Мы читали ленинские труды — не в призывных теперь томах собраний сочинений, а в тонких брошюрах, еще пахнущих типографской краской. Мы изучали советское строительство, государственное право СССР, и на первой же практике в Цингровском уезде я убедился, что землеустроители эти знания не только теоретически, но и практически очень нужны.

Семнадцать лет меня приняли в комсомол, и после этого я считал себя обязанным участвовать во всех общественных начинаниях. А было их, надо сказать, немало. Мы выходили на красные субботники, проводили массовые кампании «Долой неграмотность» и «Помощь безработным», открывали в деревнях избы-читальни, выискали стенографистов, ставили спектакли, проводили сельские школы, развешивали батракам их права, и на все нас хватало, до всего нам было дело.

2

Пришлось тогда усвоить одну истину: время имеет не только протяженность, но и объем. Можно бесцельно тратиться, убивать свои дни и часы, а можно их сжать, уплотнить, загрузить до предела. И тогда окажется, что очень многое успеешь сделать.

Жилось нам в общежитии на Херсонской улице иногда голодно, холодно, одеты мы были кто во что горазд: носили сатиновые комсомолки, рабочие промашинные куртки, кубанки, буденовки. Галстуки в те времена мы, разумеется, отвергали. Но комсомолки 20-х годов жила ярко и интересно. Нужды страны были нашими нуждами; мы мечтали о светлом будущем для всего человечества, шумели, спорили, влюблялись, читали и сами сочиняли стихи.

Знакомки поэзии мы себя не считали, превыше всего ставили актуальность, политическую направленность стихов. И поэты были у нас свои, комсомольские.

Однажды я ехал по железной дороге, в том же вагоне сидела девушка моего возраста, тоже студентка. Разговорились, девушка показала тетрадь со стихами, какие обычно собирают в альбом. И вот что характерно: в этой тетради оказались стихотворения, которые прежде я никогда не встречал. — «На смерть Ворожского». Мы тогда тяжело переживали убиство нашего посла, стихи взволновали меня, тут же я выучил их наизусть. С первой строчки — «Это было в Лозанне...» — и до последней строфы:

Утром в отеле с названием «Астория»
Посол наш убит был убийцей рукой.
И в книге великой российской истории
Жертвой приключилось больше одной.

Помню, приехал в Курск Маяковский. Разумеется, мы, комсомольцы, проворвались в железнодорожный клуб, где был его вечер. Чисто одетая публика встретила поэта в штыки. «Вот вы считаете себя коллективистом», — кричали из зала, — а почему всоуду пишете «я, я, я»? Ответ был немедленным: «Как, по-вашему, царь был коллективист? А он ведь всегда писал: «мы, Николай Второй». Шум, хохот, аплодисменты. Или еще такой эпизод. Из последнего ряда поднялись двое молодых людей, для которых, видимо, интереснее было побыть наедине, а не слушать Маяковского. И вот, когда они медленно пробирались вдоль ряда, раздался мощный голос поэта. Вытянув руку в направлении к ним, Маяковский сказал: «Товарищи, обратите внимание на пару, из ряда выходящую». И опять бурный взрыв смеха, аплодисменты.

Маяковский читал отрывки из поэмы «Владимир Ильич Ленин». Слушали не дыша. Смерть Ильича мы пережили совсем недавно, всенародная боль оставалась для каждого из нас глубоко личной болью.

Короткая и до последних мгновений

нам известна жизнь Ульянова.

Но долгую жизнь товарища Ленина

Надо писать и описывать заново.

Эти слова звучали с необычайной силой. Маяковский говорил спокойно, как бы вслух размышляя, но бас его доходил до последнего ряда. И действительно, он «снять заставил заново» самые высокие для нас понятия.

Партия и Ленин — близнецы-братья —

кто более матери-история ценит?

Мы говорим Ленин, подразумеваем — партия,

Мы говорим партия, подразумеваем — Ленин.

Челюстные строки входили в душу и сердце, запоминались сами собой.

Еще Маяковский читал на вечере «Рабочий Курск, добывший первую руду...» Меня это стихотворение заставляло вспомнить завод — доменные печи, мартены. Снова потянуло домой. Но как раз тогда, в 1927 году, я окончил учебу, стал землеустроителем и приступил к работе — в одном из уездов Курской области. Следующий полевой сезон провел в Белорусии, под Оршей, потом получил новое назначение и выехал — уже не один, с женой — на Урал, вначале в Михайловский, а затем в Бисертский район. С моей будущей женой мы познакомились на одном из комсомольских вечеров. Она выросла в такой же рабочей семье, как и моя, приехала в Курск из Белгорода тоже учиться. С той поры Виктория Петровна всегда была для меня и остается не только женой и матерью моих детей, но и настоящим дорогим и отзывчивым другом.

Там пришлось задержаться надолго. Многие версты протоптал я по уральской земле, много работал и навсегда полюбил этот край, его людей и величественную природу.

То было сложное время, когда рушились старые, устоявшиеся формы бытия, а ростки нового только еще пробивались и надо было настойчиво их искать, поддерживать и выращивать. XV съезд ВКП(б), который состоялся в декабре 1927 года, утвердил программу дальнейшего строительства социализма в стране. Осуществлять ленинские кооперативный план, съезд взял курс на коллективизацию сельского хозяйства. И советский народ под руководством Коммунистической партии совершил — крупнейшее социальное преобразование в деревне, направил ее на социалистические рельсы. Именно в те четыре года — с 1927 по 1931 — как раз и пришлось мне работать в деревне, создавая колхозы, быть в гуще событий.

Раньше людей моей специальности чаще называли землемерами. Теперь название изменилось, мы стали землеустроителями в подлинном смысле этого слова. Создавая сельскохозяйственные артели, люди объединялись в них землю, скот, хозяйственные постройки, инвентарь. И нам, землеустроителям, нужно было не просто стереть межи, объединяя на картах разрозненные единоличные полоски земли в одно коллективное поле. Необходимо было сделать это на новой социальной, научной, экономической и технической основе, исходя из интересов крупных социалистических хозяйств, рассчитанных на современную агротехнику и широкую механизацию всех работ в будущем.

Мы создавали новые карты — первые карты организованного, научного землепользования в колхозах. Наши карты долго служили колхозам, ими пользовались агрономы и после войны. А мне опыт землеустроителя приобретенный в период создания первых коллективных хозяйств, хорошо помог в будущем при организации естественных совхозов в Северном Казахстане, на целине.

В годы работы землеустроителем я впервые опутил себя полномочиями представителя Советской власти в глазах сотен людей. По тому, как ставились ивешари и мерная рейка, куда прокладывалась трасса, по тому, как прощались себя человек в столкновениях с кулаками, крестьяне судили о политике партии: здесь, на поле, всем становилось ясно, за кого и против кого Советская власть.

Хорошо запомнились первый трактор, подаренный крестьянам бисертскими железнодорожниками. Это был маленький, слабосильный «Фордзон», но восторг он вызвал не меньший, а может, и больший, чем первый спутник. Не просто машина вышла на поля, это было орудие социального переустройства деревни, это был пропагандист и агитатор колхозного строя. Местные кулаки и подкулачники пустили слух, что-де земля не родит под «железным конем», но хлеба поднимался всем на диво, и тогда ночью они подожгли амбар. Только благодаря героизму бисертских колхозников удалось отстоять зерно.

И все это было не в кино, не в книгах, а в собственной жизни. Вместе с другими комсомольцами я сталливаться с кулаками на полях, спорил с ними на сельских сходках. Нам угрожали изолы, вилами, злобыми запявками, камнями, брошенными в огонь. Однажды прочитали в газетах, что в соседней Тюменской области кулаки совещались гнусно, преступление — одно из первых прогрессивных тогда, в период массовой коллективизации, на всю страну. Ночью они подкараулили тракториста Петра Дьякова спавшего в кабине, обалтели керосином и положили. Мы тяжело переживали страшную смерть неизве-

стного нам, но сразу ставшего родным соратника и товарища. И еще решительнее, смелее повели наступление на ненавистных кулаков.

А вскоре появилась песня о том трактористе. Мы полюбили ее и пели без конца, притом часто стоя — в памяти о герое коллективизации.

По дорожке неровной, по тракту ли —
Все равно нам с тобой по пути.
Прокати нас, Петруша, на тракторе,
Де околицы нас прокати!

Заканчивали в общем-то мягкую, лирическую, душевную песню мы уже грозно, обращая ее слова и к себе:

Огрызается, люте, люте,
Им нерадостен наш урожай...
Кулачье до тебя добурейся!
Комсомолец, родной, не плошай!

Лишь через годы, лет через тридцать, я узнал, что Петр Дьяков чудом остался жив, да еще отводал всю войну. Словом, подлинно человек из песни.

А тогда был 1929 год, вошедший в историю как год великого перелома на всем гигантском фронте социалистического строительства, когда наряду с развитием крупной промышленности — ведущей отрасли народной экономики — началось создание в стране крупного, механизированного сельского хозяйства.

Недавно товарищи из Свердловского обкома КПСС прислали мне некоторые документы тех лет.

Вот выписка из протокола пленума Бисертского райкома ВКП(б) от 5 декабря 1929 года:

«Тов. Брежнев: Тот план, который у нас намечен по проведению весенней посевной кампании, связан с величайшими трудностями. Того с/х инвентаря, который нам необходим, мы не имеем, следовательно, вопрос заготовке с/х машин стоит в острой плоскости. В связи с переводом некоторых советов на многопольный севооборот у нас уменьшился посевной площади осыпых и яровых культур. Прошедшее землеустройство лучше всего передало бедничью и средней части населения в связи с этим мы должны приложить все усилия, чтобы эти земли были засеяны. Безусловно, здесь вредительство кулаков будет. Следовательно, должны быть полностью использованы все возможности, которые предоставлены бедничью и средней части крестьянства. Особое внимание должно быть обращено на распределение кредитов бедничью группам, которые организованы. Я считаю большим недостатком в работе по коллективизации отсутствие планов этой работы, и плановое ее сельские Советы не вели. Выезжающие шефы вопросов коллективизации в деревнях не заостряли...»

В этом документе — подлинная картина времени, времени неспокойного и нелегкого. Дела в деревне требовали полной отдачи сил. Я своих сил не жалел и как доверие людей принял избрание меня депутатом Бисертского районного Совета депутатов трудящихся. Вслед за этим был назначен заведовать райземотделом, потом меня выбрали заместителем председателя райисполкома. А в начале 1931 года последовало новое назначение в Свердловск — заместителем начальника Уральского окружного земельного управления. Мы с женой переехали в Свердловск, но через некоторое время я решил вернуться на родной завод — работать слесарем и учиться одновременно в институте.

3

Вот как это вышло. Все годы по письмам родных, по выступлениям газет я следил за тем, что происходило на нашем заводе. Рабочие-днепривцы сами потребовали его восстановления, их делегация съездила в Москву, поблагодарив и помощи у Ф. Э. Дзержинского, тогдашнего Председателя ВСНХ. В 1925 году в печати появилось его выступление на XIV конференции РКП(б): «Я должен сказать, что из тех колоссов, которые в свое время были в действительности, один колосс давал ежегодную продукцию больше 20 миллионов пудов изделий. Этот колосс, так называемый Днепровский завод, со вчерашнего дня, 28 апреля, в 2 часа был открыт и на нем была пущена первая доменная печь».

Разумеется, вести эти волновали, бередили душу, я не мог забыть, что наш завод наращивает мощности, растет, тем более что и на Урале повсюду к запаку полей и лугов примешивался хорошо знакомый запах индустрии. Куда ни поведешь, везде встают перед глазами фабричные трубы и дымки над ними. В самой Бисерти и неподалеку от нее находились старинные дзержинские заводы — Нижнеуральские, Михайловский, Редлинский. О Свердловске говорить нечего, как раз в ту пору здесь разварилось невиданное по масштабам строительство «завода заводов» Ураламаша.

Я рассуждал так: в коллективизации уже произошед неотвратимый сдвиг (к середине 1931 года в колхозы объединилось более половины индивидуальных хозяйств страны), а индустрия силу только еще набирает. Там, на индустриальном фронте, лежит сегодня чередный край борьбы за социализм. Без промышленности, без электроэнергии, без широкой сети машинно-тракторных станций не поднимешь и сельское хозяйство. Стране был нужен металл, две трети чугуна давали заводы Юга, крупнейшим из них считался Днепровский завод, которому присвоили имя Ф. Э. Дзержинского, — значит, мое место там.

Вот так и произошло возвращение в родные места. Конечно, трудно было опять выходить в рабочей спецодежде на смену, да еще и учиться по вечерам в институте, но сила была и упорства хватало.

В 1931 году на родном заводе меня приняли в партию. Как сейчас помню, это было 24 октября. Кандидатскую карточку сменил в моем кармане партбилет № 1713187, и я знал, что он не льготы мне даст, а новые, непростые обязанности. Думаю, однако, что каждый из нас, коммунистов, если спрыгает его, хотел бы, бы он избрал другую дорогу, твердо ответит нет. Потому что наша дорога — это дорога беззаветного служения народу, партии.

Время для меня уплотнилось еще больше. В цехах шла реконструкция, его руководил главный инженер нашего завода И. П. Бардин, будущий академик, ставил новые агрегаты, выдвигался механизация — словом, работы хватало. В институте тоже кипела интересная жизнь. И знаниям мы все тогда тинулись с жадностью. И же вдобавок был избран группиратором факультета, затем председателем профкома и, наконец, секретарем парткома всего института. Это было большое доверие товарищей. Конечно, доверие радовало, да и по натуре я был из тех, кто любит находиться среди людей, полностью отдавая себя делу.

В 30-е годы особенно остро стояла задача обучения, воспитания, идейной закалки кадров, прежде всего научно-технической интеллигенции. И потому очень ответственной я посчитал предложенную мне в 1933 году работу: будущи студентом третьего курса, я был назначен руководителем рабфака, а затем и директором днепродзержинского металлургического техникума. Работал с душой. Хотелось больше сделать для товарищей. Сохранились книги приказов тех лет. С улабной просматривал я старые, в чем-то, может показаться теперь, нелепые приказы, но тогда это была политика. Мы считали своим долгом бороться за каждого нашего студента, уговаривали заводских ребят учиться, старались помочь им профсоюзными средствами, а то и просто подкармливать их в нашей столовой. Как-то встал в город известный ученый-металлург, создатель теории доменной процесса академик М. А. Павлов, я уговорил его выступить перед рабфаковцами. И радовался, наблюдал, как слушали академика мои сверстники. И эту партию выросли в будущем «стальные» командиры производства — не «спецы» старого типа, а энтузиасты, новаторы, люди, производившие идеалом коммунизма.

Работа в техникуме, партийные поручения и общественные дела не освобождали, однако, меня самого от учебы. Читал курсовые проекты, сдавал экзамены, не только не отняла для себя послабления, наоборот. Положение обязывало «быть для других примером — могли и требовать от других успеваемости и приращивания, если бы сам учился спустя рукава?»

[Окончание следует]

